

ВОСПОМИНАНИЯ И ИНТЕРВЬЮ

DOI 10.24412/2076-8176-2021-3-136-149

Советско-французские научные связи в области молекулярной биологии и биохимии: интервью с академиком РАН О.И. Лаврик

С.В. ШАЛИМОВ

Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им.
С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербург, Россия; sshal85@mail.ru

Статья представляет собой интервью с известным отечественным биохимиком, академиком РАН О.И. Лаврик. Воспоминания О.И. Лаврик посвящены российско-французским научным связям в области молекулярной биологии и биохимии. О.И. Лаврик — ученица академика Д.Г. Кнорре, выпускница Новосибирского государственного университета, внесла значимый вклад в развитие советско/российско-французского научного сотрудничества. Героиня нашего интервью многократно выезжала во Францию, где работала в ведущих биохимических лабораториях институтов и университетов, была лично знакома с выдающими французскими учёными. В интервью отражена роль, которую сыграли отечественные и французские учёные в установлении плодотворной кооперации в области молекулярной биологии и биохимии. В частности, О.И. Лаврик рассказывает о сотрудничестве и дружбе с М. Грюнберг-Манаго и Ж.-П. Эбелем. Кроме того, наша собеседница поделилась своими впечатлениями об участии в советско-французских симпозиумах. Наряду с этим в интервью затрагиваются проблемы, осложнявшие развитие научных связей. Так, О.И. Лаврик, как и многие другие учёные советского времени, в течение длительного срока была «невъездной». Вместе с тем период «лихих 90-х» поставил перед учёными новые вызовы. Об их успешном преодолении О.И. Лаврик в своём интервью также любезно поделилась с нами. Интервьюер предлагаемой публикации дополнил воспоминания вводной статьёй и прокомментировал основные моменты интервью с помощью источников, литературы и биографических справок.

Ключевые слова: молекулярная биология, биохимия, симпозиумы, научно-техническое сотрудничество, Франция, М. Грюнберг-Манаго, международные связи, социальная история науки, интервью.

Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проект № 18-511-22002.

Сотрудничество между СССР и Францией всегда занимало особое место в ряду отношений нашей страны с западными партнёрами. Начиная с 1960-х гг., благодаря политике французского президента генерала Шарля де Голля¹, происходит развитие тесной кооперации двух великих держав в самых разных сферах, в том числе активизируется научно-техническое сотрудничество. Французская идеология «голлизма» вынуждала Францию развивать научные связи с другими странами, чтобы укрепить её положение относительно США и ФРГ (От Атлантики до Урала..., 2015, с. 260).

Важность взаимодействия Советского Союза и Франции в области науки признавалось на самом высшем уровне. Во время визитов французских президентов в СССР (Шарль де Голль посетил нашу страну в 1966 г., Жорж Помпиду² — в 1970 г.), а также во время поездки советского лидера Л.И. Брежнева во Францию (1974 г.) обсуждались вопросы научно-технического сотрудничества. В официальных заявлениях звучали высокие оценки результатов совместной работы советских и французских учёных. При этом оба французских лидера посещали Новосибирский научный центр, Шарль де Голль выступал в Московском государственном университете им. М.В. Ломоносова, а Жорж Помпиду встречался с учёными в Президиуме АН СССР (Шалимов, 2019, с. 45).

На рубеже 1960–1970-х гг. был заключён целый ряд соглашений о научно-техническом сотрудничестве, в том числе между АН СССР и Национальным центром научных исследований Франции (1969). При этом одним из направлений развития научных контактов являлась кооперация в области наук о жизни. Здесь, начиная с 1970-х гг., разворачивается плодотворное сотрудничество между советскими и французскими учёными в сфере молекулярной биологии и биохимии. Ключевым элементом рассматриваемого сотрудничества были советско-французские симпозиумы, продолжавшиеся более 20 лет. Несмотря на то что советско-французские научные связи в какой-то степени отражены на страницах литературы (см., например: Rey, 1991; Russian-French links in biology and medicine..., 2012), данная тема до сих пор недостаточно изучена в трудах профессиональных историков (Шалимов, Пьеррель, 2020).

В то же время целая плеяда выдающихся отечественных и французских учёных, активных участников этого сотрудничества, успешно продолжает традиции советско- (а теперь уже российско-) французской дружбы. Один из них — академик РАН Ольга Ивановна Лаврик, участница многих советско/российско-французских симпозиумов, лично знавшая и работавшая вместе с известными отечественными биохимиками — академиками Д.Г. Кнорре, Л.Л. Киселёвым, А.С. Спириным. О.И. Лаврик в течение нескольких десятилетий развивала и продолжает поддерживать научные контакты со многими французскими учёными. Среди них известнейшие во всём мире имена — Марианна Грюнберг-Манаго, Жан-Пьер Эбель, Франсуа

¹ Шарль де Голль (1890–1970) — французский военный и государственный деятель. Президент Франции (1959–1969).

² Жорж Помпиду (1911–1974) — французский государственный деятель. Премьер-министр (1962–1968) и президент Франции (1969–1974).

Шапвилль. В интервью с нами Ольга Ивановна любезно поделилась своими воспоминаниями о многолетней интересной совместной работе с французскими коллегами, которая вместе с тем не была лишена трудностей, вызванных политико-идеологическими причинами.

Рис. 1. Академик РАН Ольга Ивановна Лаврик (фотография из личного архива О.И. Лаврик)

Fig. 1. Olga Ivanovna Lavrik, Academician (Full Member) of the Russian Academy of Sciences (photo from the personal archive of O.I. Lavrik)

Ольга Ивановна Лаврик — известный российский учёный-биохимик. Окончила Новосибирский государственный университет (1966 г., с отличием). Доктор химических наук (1981). Член-корреспондент РАН (2008). Академик РАН (2019). С 1972 г. работала в Институте органической химии СО АН СССР, а с 1984 г. — в Институте биоорганической химии СО АН СССР (ныне — Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН): младший научный сотрудник (1972–1976), старший научный сотрудник (1976–1984) заведующий лабораторией биоорганической химии ферментов (с 1984). Профессор Новосибирского государственного университета. Под её руководством успешно защищено 32 кандидатских и 3 докторские диссертации.

Автор более 500 научных работ, в том числе 11 монографий и учебных пособий. Лауреат Государственной премии СССР (1984). Награждена медалью ордена «За заслуги перед Отечеством II степени» (2018). Кавалер ордена Академических пальм — высшей академической награды Франции (2016).

* * *

Ольга Ивановна, минуло почти полвека с момента первого советско-французского симпозиума по молекулярной биологии и биохимии (Пушино, 1974 г.). С этого времени Вы активно включились в совместную работу с французскими коллегами и продолжаете её до сих пор. Расскажите, как начиналось советско-французское сотрудничество и кто сыграл ключевую роль в установлении научных контактов?

Большой вклад в организацию советско-французского научного сотрудничества внесли известные учёные, сотрудники Института молекулярной биологии АН СССР (ныне — Института молекулярной биологии им. В.А. Энгельгардта РАН) академики Александр Александрович Баев³ и Лев Львович Киселёв⁴. Почему вообще такое сотрудничество стало возможным? Дело в том, что со стороны Франции это сотрудничество вдохновляла наша бывшая соотечественница — Марианна Грюнберг-Манаго⁵. Она была потомком эмигрантов. Её семья была вынуждена уехать во Францию в 1921 г. То есть это был учёный российского происхождения родом из Санкт-Петербурга. Именно этим объяснялась её тяга к России, желание организовать сотрудничество с нашей страной. В СССР эта идея была поддержана академиком А.А. Баевым, и первым практическим результатом обсуждения сотрудничества биохимиков двух академий стали совместные научные симпозиумы.

Ольга Ивановна, как Вас привлекли к этому сотрудничеству?

В 1972 г. я окончила аспирантуру. Моим научным руководителем был Дмитрий Георгиевич Кнорре⁶. В рамках тематики моих исследований я часто ездила в Москву, в лабораторию Льва Львовича Киселёва. Благодаря этому сотрудничеству я попала на первый симпозиум, который проходил в Пушкино, и даже выступила с устным докладом. Правда, тогда я ещё не говорила по-французски. Мы же и по-английски не очень хорошо изъяснялись. Ведь нас учили только читать и писать даже в университете. Тем не менее это был первый симпозиум, первый символ. Приехали замечательные учёные именно в той области науки, в которой я работала⁷.

«Языковой барьер» нередко создавал проблемы для советских учёных. Вам легко удалось его преодолеть?

Я стала учить французский. В новосибирском Академгородке был замечательный французский клуб, располагавшийся в Доме учёных. В нём был прекрасный

³ Александр Александрович Баев (1903–1994) — советский и российский биохимик, академик АН СССР / РАН и ВАСХНИЛ/РАСХН. Президент Международного союза по биохимии и молекулярной биологии (1976–1979). Герой Социалистического Труда (1981).

⁴ Лев Львович Киселёв (1934–2008) — советский и российский биохимик и молекулярный биолог, академик РАН.

⁵ Марианна Грюнберг-Манаго (1921–2013) — французский биохимик. Член Французской академии наук (1982), президент Французской академии наук (1995–1996), президент Международного биохимического союза (1985–1988), иностранный член АН СССР / РАН (1988), иностранный член Национальной академии наук США (1982).

⁶ Дмитрий Георгиевич Кнорре (1926–2018) — основоположник исследований в области молекулярной биологии, биохимии и биоорганической химии в СО АН СССР / СО РАН, академик РАН. В 1984–1996 гг. — директор-основатель Новосибирского института биоорганической химии СО АН СССР (ныне — Институт химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН).

⁷ В отчёте Управления внешних сношений (УВС) АН СССР о научном сотрудничестве с Францией за 1974 г. сообщалось, что симпозиум «Структура и функции нуклеиновых кислот», состоявшийся в Пушкино с 3 по 5 сентября 1974 г., «прошёл на высоком уровне». В документе говорилось об участии 25 французских учёных, в том числе профессоров М. Грюнберг-Манаго, Ф. Гро, Ф. Шапвиля, Р. Моне, Ж.-П. Эбеля. Отечественную науку представляли академики А.А. Баев, В.А. Энгельгардт, А.С. Спирин, член-корреспондент Г.К. Скрыбин, М.Н. Колосов, Б.П. Готтих, В.А. Богданов и др. (Архив Российской академии наук (далее — АРАН). Ф. 579. Оп. 13. Д. 95. Л. 100).

преподаватель французского языка Гертруда Давыдовна Багаева. Она же возглавляла французский клуб при Доме учёных⁸.

Как дальше развивались Ваши научные контакты с французскими коллегами?

Моё участие в симпозиумах продолжалось, но только на советской стороне. После первого симпозиума в Пушино к нам в Академгородок приехал коллега и друг Марианны Грюнберг-Манаго, замечательный учёный, академик Французской академии наук Жан-Пьер Эбель⁹. В то время он был директором Института молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге. Сложилась своего рода ось Париж — Страсбург, М. Грюнберг-Манаго и Ж.-П. Эбель. Ж.-П. Эбель тоже загорелся сотрудничеством с Советским Союзом. Я прекрасно помню, как ему, первому французу, который к нам приехал, я рассказывала о своей работе в области исследований ключевых ферментов биосинтеза белка: аминоксил-тРНК-синтаза. Это была тематика института, руководимого Ж.-П. Эбелем в Страсбурге. Это был 1974 г. Он сразу же пригласил меня работать у него в лаборатории. К тому моменту я уже закончила диссертацию и была «постдоком». Мы подали документы. Однако меня не пустили. Существовали такие выездные комиссии. В частности, выездная комиссия проходила в Свердловске. Я помню эту обстановку. В комнате стоит стол. Вы садитесь за него, и с разных сторон начинают сыпаться перекрёстные вопросы. Поскольку мне было 30 лет, то, наверное, я не на все вопросы ответила «правильно». Слишком была молода для таких испытаний. В общем, поехать не получилось — мою кандидатуру не одобрили компетентные органы.

Следующий симпозиум, в котором мне довелось участвовать, состоялся в 1977 г. в Ташкенте. Конечно, в этот промежуток были симпозиумы во Франции, на которые я поехать не могла. Что же касается замечательного симпозиума в

⁸ Действительно, как свидетельствуют документы, в 1970-е гг. в новосибирском Академгородке активно развивалось научное и культурное сотрудничество с Францией. В частности, в сообщении первого секретаря Советского райкома КПСС В.А. Миндолина от 10 ноября 1978 г. «Информация о работе Новосибирского отделения общества дружбы СССР — Франция в Советском районе (для отдела зарубежных связей обкома КПСС)» констатировалось: «Живую основу многостороннего сотрудничества общественности Новосибирского научного центра СО АН СССР с общественностью Франции составляют развивающиеся и постоянно крепнущие научные связи». Также в документе сообщалось, что академики М.А. Лаврентьев и С.Л. Соболев являются иностранными членами Академии наук Франции, а академик Г.И. Марчук — почётным доктором Тулузского университета. Следует отметить высокую оценку французского клуба: «По линии отделения общества СССР — Франция в Доме Учёных СО АН СССР действует французский клуб, собирающий своих членов еженедельно. В течение последних двух лет проведено более 100 заседаний клуба. На заседаниях с ознакомительными сообщениями выступали, в частности, французские исследователи, находящиеся на стажировке в Новосибирском научном центре» (Государственный архив Новосибирской области (далее — ГАНО). Ф. П-4. Оп. 85. Д. 288. Л. 28–29). Яркую иллюстрацию советско-французской дружбы мы находим в справке о работе Отделения ВАО «Интурист» за январь — сентябрь 1975 г. В частности, в документе говорилось: «Регулярными стали поездки французоз на празднование Нового года в Сибири» (ГАНО Ф. П-4. Оп. 82. Д. 147. Л. 2).

⁹ Жан-Пьер Эбель (1920–1992) — французский биохимик. В 1973–1991 гг. — директор Института молекулярной и клеточной биологии Центра национальных исследований Франции (CNRS). Член Французской академии наук (1979), иностранный член АН СССР / РАН (1982), президент Европейской федерации биохимических обществ (FEBS, 1975–1977).

Ташкенте¹⁰, то в нём тоже принимало участие очень много отечественных исследователей, в том числе учёный с мировым именем, директор Института белка АН СССР / РАН академик Александр Сергеевич Спири¹¹, который тоже очень поддерживал советско-французское сотрудничество, а организатором симпозиума был Лев Львович Киселёв.

Рис. 2. Советско-французский симпозиум в Ташкенте. 1977 г. Слева направо: Ж.-П. Эбель, А.А. Баев, М. Грюнберг-Манаго, Б. Пульман (фотография из личного архива О.И. Лаврик)
Fig. 2. Soviet-French Symposium in Tashkent. 1977. From left to right: J.-P. Ebel, A.A. Bayev, M. Grunberg-Manago, B. Pullman (photo from the personal archive of O.I. Lavrik)

После этого я попыталась снова выехать, и опять меня не выпустили. Этот барьер продолжался около десяти лет. Я оставалась «невъездной» до 1985 г. Каждый год в течение десяти лет я получала приглашения из Страсбурга от Жан-Пьера Эбея.

¹⁰ Советско-французский симпозиум «Взаимодействие белков и нуклеиновых кислот» проходил в Ташкенте с 5 по 9 сентября 1977 г. Согласно отчету УВС АН СССР, в состав французской делегации входили 26 человек, в том числе М. Грюнберг-Манаго, Ж.-П. Эбель, Б. Пульман, Ф. Шапвилль и др. Основными принимающими организациями выступили Институт молекулярной биологии АН СССР и Институт биохимии АН Узб. ССР. В документе высоко оценивалась организационная работа, проведённая УВС АН Узб. ССР и Институтом биохимии АН Узб. ССР: «Высокий научный уровень докладов, устройство в первоклассной гостинице, образцовая организация передвижения делегатов, их питания в ресторане, быстрое удовлетворение всех пожеланий, если не сказать иногда капризов, наших гостей. <...> Всё это осуществлялось под непосредственным руководством академика А.С. Садыкова, президента Академии наук Узбекской ССР. Его присутствие в аэропорту, в воскресенье, в поздний час, при отлёте участников симпозиума в Москву, вызвало всеобщее одобрение. Французские учёные были тронуты вниманием своих узбекских коллег» (АРАН. Ф. 579. Оп. 13. Д. 140. Л. 94–95).

¹¹ Александр Сергеевич Спири¹¹ (1931–2020) — советский и российский биохимик, академик РАН. Директор Института белка АН СССР / РАН (1967–2001), заведующий кафедрой молекулярной биологии биологического факультета МГУ (1972–2012).

Каждый раз мои документы «терялись» между Новосибирском и Москвой. Мне до сих пор очень жаль, что тогда так и не удалось поехать и поработать в Страсбурге. В то время я готовила докторскую диссертацию. Это было бы прекрасно — поработать в Страсбурге по теме моей диссертации. Поскольку Ж.-П. Эбель очень хотел сотрудничать с нашим институтом, да и нашему институту такой научный контакт был бы весьма полезен, туда поехал «выездной» сотрудник Валентин Викторович Власов¹², будущий академик и директор нашего института. Он тогда был членом партии и поэтому был «выездной». Эта командировка очень помогла выполнению его диссертационной работы¹³.

Ольга Ивановна, как Вам объяснили причины, по которым Вы не могли выехать?

Мне говорили, что мои документы «терялись» во время почтовой пересылки. Потом я стала пытаться поехать в социалистическую страну. К нам приезжало много учёных из Польши и ГДР. Я тогда уже очень хорошо говорила и по-английски, и по-французски. К тому же у меня было много зарубежных контактов, так как в тот момент я уже была известным учёным в своей области. В свою очередь, зарубежные коллеги приглашали меня на конференции. Но когда меня не пустили и в Польшу, я поняла, что дело с возможностью моего выезда обстоит совсем плохо. Истинные причины такого блока мне, конечно, неизвестны, но предположения у меня, безусловно, есть. Кому-то очень не хотелось моего личного сотрудничества с французскими лабораториями... Очень хотела бы оказаться неправой в этом предположении.

Как Вам удалось преодолеть этот барьер?

В конце концов мой учитель Дмитрий Георгиевич Кнорре всё-таки «пробил» через академика Г.К. Скрыбина, который был главным учёным секретарем Президиума

¹² Валентин Викторович Власов (р. 1947) — специалист в области биоорганической химии, молекулярной биологии и биотехнологии, академик РАН. В 1997–2017 гг. — директор Новосибирского института биоорганической химии СО РАН / Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН.

¹³ В нашем распоряжении имеется обоснование командирования В.В. Власова, подписанное директором Новосибирского института органической химии СО АН СССР членом-корреспондентом В.П. Мамаевым: «В Новосибирском институте органической химии СО АН СССР, в лаборатории химии нуклеиновых кислот, успешно развиваются химические методы исследования структуры и функций биополимеров. Значительные успехи в разработке таких методов достигнуты в группе, руководимой ст. н. с. Власовым В.В. Для дальнейшего развития методов и их апробации желательно испытать их на возможно большем числе биологических объектов. Наиболее удобными объектами такого рода являются комплексы тРНК с аминоксил-тРНК синтазами, большой набор которых имеется в Институте молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге (Франция). Директор этого института профессор Ж.-П. Эбель сообщил о возможности принять В.В. Власова для работы в своей лаборатории с оплатой за счёт французской стороны сроком до одного года. Представляется целесообразным направить В.В. Власова во Францию для работы в Институте молекулярной и клеточной биологии в Страсбурге в декабре 1979 года сроком на шесть месяцев. В лаборатории профессора Ж.-П. Эбеля В.В. Власов получит возможность работать с большим числом нуклеиново-белковых комплексов, недоступных в СССР. Это позволит апробировать экспериментальные подходы к изучению биологических макромолекул, разработанные в НИОХ СО АН СССР на интересных объектах, а также усовершенствовать их на основе методов, развиваемых французскими учёными. В лаборатории профессора Ж.-П. Эбеля накоплен уникальный опыт в определении строения нуклеиновых кислот и В.В. Власов сможет ознакомиться там со многими оригинальными методами» (АРАН. Ф. 579. Оп. 16. Д. 68. Л. 175).

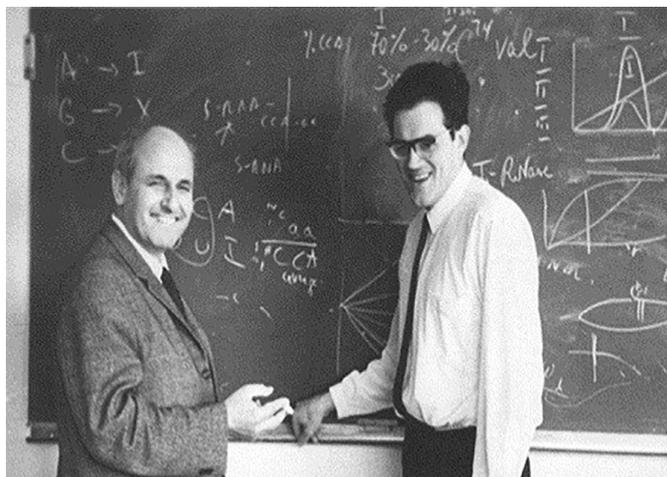

Рис. 3. Ж.-П. Эбель и Л.Л. Киселёв. Страсбург, конец 1970-х гг.
(фотография из личного архива О.И. Лаврик)
Fig. 3. J.-P. Ebel and L.L. Kisselev. Strasbourg, late 1970s
(photo from the personal archive of O.I. Lavrik)

АН СССР, поездку в ГДР. Это была необходимая ступень — я должна была поработать за границей в социалистической стране. В 1985 г. неожиданно меня выпустили во Францию. У меня была ознакомительная поездка Париж — Бордо — Страсбург. Самое поразительное, что я поехала по приглашению французов, но Академия наук оплатила мне поездку.

Мне сложно сказать, в чём было дело и почему меня в итоге выпустили. В это время я уже была доктором наук и лауреатом Государственной премии СССР. Кстати сказать, я была удостоена этой высокой награды за исследование аминокцил-тРНК-синтетаз. Возможно, это как-то помогло. Но скорее всего, было уже ослабление, ведь началась «перестройка».

Во Франции, во всех местах, которые я посетила, был почти «национальный» праздник. Коллеги очень радовались тому, что меня, наконец, выпустили. Меня просто носили на руках. Это было очень приятно. Когда я приехала в Страсбург, Жан-Пьер Эбель организовал дома специальный званый обед. В мою честь собрался весь институт. Это было незабываемо.

В этот первый приезд Марианна Грюнберг-Маного сказала мне: «Ты можешь уехать из страны, поскольку тебя не выпускали, и сразу же просить французское гражданство». Однако я была настроена патриотически. Кроме того, в тот момент у меня уже была большая лаборатория. К тому же я думала, что свобода мною получена, передо мной открылся весь мир, и я смогу ездить и работать, где только захочу. Я была так благодарна М.С. Горбачёву за «перестройку». Зачем мне уезжать? Вот сейчас начинается жизнь, будем сотрудничать. Собственно, так оно и было. Я потом много ездила и работала в различных лабораториях и до сих пор много езжу. Просто тогда я не предвидела, что начнутся 1990-е гг. и наступят ещё более сложные времена.

Касаясь «лихих 90-х», существовала ли в то время система грантов или Вам всё оплачивала французская сторона?

Рис. 4. М. Грюнберг-Манаго в Новосибирске. 1995 г.
(фотография из личного архива О.И. Лаврик)

Fig. 4. M. Grunberg-Manago in Novosibirsk. 1995 (photo from the personal archive of O.I. Lavrik)

В 1980-е гг. мне всё оплачивала французская сторона. В то же время в эти годы в институтах существовал бюджет на командировки, и эти деньги можно было использовать для поездок. Потом, когда начались 1990-е гг., практически закончились деньги, в том числе и на покупку реактивов и оборудования. Не говоря уже о командировках. Для того чтобы проводить исследования, нам пришлось выезжать на длительные сроки и работать во Франции или в других странах. Благодаря своим французским контактам мне удавалось командировать также сотрудников своей лаборатории. К тому же стали появляться специальные российско-французские и европейские гранты. Те же люди, с которыми мы раньше работали, помогали находить специальные гранты для приглашённых профессионалов. Что касается меня, то я в основном работала в Париже, в том числе долгое время в Институте Жака Моно, в Университете Пьера и Мари Кюри.

В России в это время не было возможностей для экспериментальной работы. Вообще ничего не было. Мы также организовали сотрудничество с Германией, я работала в США. Но с французскими коллегами мы сотрудничали активнее всего. При этом я хочу отметить, что сотрудничество с Францией не строилось по принципу «отдайте нам всё ваше». Можно было осуществлять российские проекты на французской территории. В отличие от Франции, в США мы работали строго на них и совместных грантов практически не было. В этом плане с французскими коллегами у нас было более демократическое сотрудничество. В сущности, это можно было назвать по-настоящему сотрудничеством.

В свою очередь, советско-французские симпозиумы продолжались до середины 1990-х гг. Как ни странно, но в симпозиумах на французской земле я принимала участие лишь однажды. Это был последний симпозиум, проходивший Монпелье в 1996 г. В действительности всё держалось на М. Грюнберг-Манаго и Ж.-П. Эбеле. Ж.-П. Эбель скончался на предыдущем симпозиуме в Конкарно. В конце 1990-х заболела М. Грюнберг-Манаго. Она ушла от нас не так давно, но долго болела и находилась в бессознательном состоянии после перенесённого инсульта.

Хорошо помню российско-французский симпозиум, проходивший в Новосибирске в 1995 г. Я тогда была сопредседателем оргкомитета. Приезжала большая и очень представительная делегация французских учёных во главе с М. Грюнберг-Маного. Они были очень уставшими в первый день после длинного ночного перелёта. Уставшими были абсолютно все члены делегации, кроме неё. Она была полна сил, кипучей энергии и могла сразу выступить с докладом. Безусловно, именно она была стержнем всего нашего сотрудничества с Францией в области молекулярной биологии в 1970-е — 1990-е гг. Она была избрана в 1990-е гг. президентом Французской академии наук. Я горжусь тем, что была знакома с этим замечательным человеком. Очень жаль, что её уже нет.

Ольга Ивановна, Вам удалось поработать в лучших французских лабораториях, проводить совместные исследования с ведущими французскими учёными. Что Вы можете сказать об уровне исследований во Франции, особенно в сравнении с научной работой в СССР?

У них было преимущество. Взять то же снабжение реактивами, которое было более оперативным уже тогда. Также во Франции было лучше оборудование. Когда я стала выезжать, это сразу было видно невооружённым глазом. Моя первая поездка во Францию в 1985 г. была короткой. Но в 1986 г. я поехала проводить исследования на два месяца и сразу оценила, что всё биохимическое оборудование во Франции было лучше. Наши французские коллеги получали больше денег на исследования.

В отличие от них, покупая биохимическое оборудование, мы должны были пройти тяжёлую процедуру. Сначала требовалось организовать выставку биохимической фирмы. Организовать у них семинары, школы, а потом после выставки, если дадут бюджет, можно было купить оборудование. Однако всего остро не хватало.

Тем не менее на очень большом энтузиазме какие-то фрагменты биохимической базы тогда были поставлены. Например, транспортная РНК в 1960-е гг. была наработана в Сибири, а в лаборатории А.А. Баева была расшифрована структура этой молекулы. Это была вторая расшифрованная транспортная РНК в мире. За эту работу была получена Государственная премия.

Надо сказать, что зачастую такие прорывы, какие тогда у нас были в молекулярной биологии, основывались на огромном энтузиазме. В сущности, мы работали день и ночь. Вообще из лаборатории почти не выходили. Это было нормальным стилем работы. Энтузиазм учёных и увлечённость в области молекулярной биологии были просто необыкновенными. Вспоминаю с огромным удовольствием, как создавался отдел биохимии в Институте органической химии СО АН СССР, а потом Институт биоорганической химии СО АН под руководством академика Д.Г. Кнорре. Здесь была лучшая в стране биохимическая база и были развиты многие направления исследований мирового уровня. Всё это говорит о том, что было очень много талантливых учёных, которые приехали в Сибирь. Я вспоминаю этот период как время ценных находок, интересных идей, которые рождались в нашей стране. Мы были лидерами в области применения биоорганической химии в молекулярной биологии. Применение методов химической модификации для исследования аминокислот-тРНК-синтетаз зарубежные коллеги называли Russian field. Поэтому нас с удовольствием приглашали работать в западные лаборатории.

В свою очередь, зарубежные командировки помогали Вам и Вашим коллегам овладеть новыми методиками и привозить из-за границы недоступные у нас реактивы?

Безусловно. Реактивы возили в чемодане даже такие крупные учёные, как академик А.А. Спириин. Я это знаю достоверно. Так же поступал академик Ю.А. Овчинников. Все этим занимались. Я в своей сумке даже приборы возила. Как-то у меня в дорожной сумке было около 60 килограммов, и я всё протащила с улыбкой мимо французских пограничников. Они не могли себе представить, что я несу такой груз.

Ольга Ивановна, сталкивались ли Вы с трудностями, приглашая французских коллег в СССР?

Я не помню, чтобы кого-то из наших зарубежных гостей не пустили к нам. В то же время у нас была другая проблема. Так как я хорошо разговаривала на иностранных языках, то, когда приезжали иностранцы, меня часто просили помочь, провести экскурсию и пр. Проблема заключалась в том, что необходимо было действовать строго по программе. Её нельзя было нарушать. Я же не могла понять, почему надо действовать строго по программе, если зарубежный профессор просит показать чуть больше. Однако это было не позволено, и иногда возникали неприятности. Например, они просили совершить прогулку на катере по Обскому морю, но если этот пункт отсутствовал в программе, то это было под запретом.

Как-то раз я поехала на Байкал сопровождать моего коллегу, учёного из ГДР Райнальда Крауспе, и ему захотелось посмотреть бухту Песчаную. У нас было и время, и возможности, поэтому он никак не мог понять, почему нельзя этого сделать. Я не могла ему объяснить, что ответственный за нас учёный секретарь находится в Иркутске и позвонить ему не представляется возможным, да и программа уже была утверждена. Он спрашивал: «Так в чём же дело? Почему я не могу поехать?» В итоге мы грустно и в плохом настроении провели два дня в Листвянке. Уже потом, через несколько лет, когда я была в ГДР, мне удалось до него донести, что если бы мы поехали, то подвели бы всех. Эти моменты были психологически очень тяжёлыми¹⁴.

Другой эпизод был связан с проходившим в 1977 г. советско-французским симпозиумом в Ташкенте. Во время симпозиума для нас организовали однодневный

¹⁴ О том, что такая проблема существовала, свидетельствует целый ряд документов. В частности, в отчёте об итогах сессии XVII Смешанной советско-французской комиссии по научно-техническому и экономическому сотрудничеству (11–13 февраля 1980 г.) за подписью заместителя председателя Государственного комитета СССР по науке и технике Д.М. Гвишиани сообщалось: «...французская сторона обратила внимание на некоторые негативные моменты в практической организации обменов учёными. В 1979 году несколько сократился объём этих обменов по сравнению с предыдущими годами. Председатель французской части Комиссии Пэй объяснил это тем, что некоторые французские учёные испытывают "разочарование" от того, что не имеют доступа ко всем интересующим их советским лабораториям. В связи с этим они теряют интерес к поездкам в Советский Союз и, соответственно, к приёму в своих лабораториях советских учёных» (Российский государственный архив новейшей истории. Ф. 5. Оп. 77. Д. 166. Л. 8). В свою очередь, в отчёте Института морфологии животных им. А.Н. Северцева АН СССР о приёме французских профессоров Ж. Жибана и П. Гризона в 1965 г. с сожалением констатировалось: «...очень мешает работе с иностранными учёными и вызывает их нарекания и подозрения в нежелании познакомиться их с исследованиями, ведущимися у нас — это боязнь наших научных учреждений принять иностранных учёных в своих помещениях из-за свойственной нам повсюду тесноты и необорудованности лабораторий. Поскольку Ж. Жибан и П. Гризон — активно работающие учёные, а не только представляющие, они хотят непосредственных контактов с учёными в лабораториях, а не парадных приемов директоров, вице-президентов, или начальников инспекций» (Шалимов, 2019, с. 51).

экскурсионный тур в Самарканд. Французские и советские участники должны были ехать в разных автобусах. Наши французские коллеги, очень известные учёные — директор Института Жака Моно Франсуа Шапвилль и профессор Клаус Шеррер, узнав, что я говорю по-французски, очень обрадовались и пригласили меня к ним в автобус. Я согласилась. В результате меня высадили у ближайшей деревни и пересадили в наш автобус. Мне прежде нужно было спросить разрешения у кого-то. Я спросила у одного нашего учёного. Будучи интеллигентным человеком, он не смог мне сказать «не смей садиться». Тогда я ещё не знала, что сопровождавшая нас дама, которая попросила меня выйти из автобуса на глазах у французов, видимо, была из органов. Естественно, возник международный инцидент. Таким образом, я опять «попала в историю». Мне даже сделали письменно замечание. Эта ситуация очень расстроила меня. Получается, оказалась «политически неблагонадёжной»: села в чужой автобус слушать экскурсию для улучшения знания языка...

Рис. 5. О.И. Лаврик и Ф. Шапвилль. Париж, начало 2000-х гг.
(фотография из личного архива О.И. Лаврик)

Fig. 5. O.I. Lavrik and F. Chapeville. Paris, early 2000s
(photo from the personal archive of O.I. Lavrik)

Французы были страшно недовольны таким разделением. Они же приехали общаться, а нас делили. Иногда причина могла быть почти анекдотичной. Дело в том, что мы должны были обедать в разных ресторанах и у нас было разное меню. Например, французам полагалась икра, а нам нет. Уже потом, когда мы вернулись в Ташкент, состоялся заключительный ужин. На нём мы все были вместе. А до этого нас делили. Может быть, элементарно не хватало на всех денег. Очень надеюсь, что страна никогда больше не вернется к такому порядку. Это было не слишком продуктивно для развития международных научных связей. Хорошо, что это в прошлом. Наше сотрудничество с целым рядом французских лабораторий продолжалось долгие годы и успешно развивается до сих пор¹⁵.

Ольга Ивановна, благодарю Вас за интересное и содержательное интервью!

¹⁵ Под руководством академика РАН О.И. Лаврик, при финансовой поддержке ряда грантов РФФИ и в сотрудничестве с ведущими научными центрами Франции исследованы

Литература

«От Атлантики до Урала»: Советско-французские отношения. 1956–1973 / Науч. ред. и отв. сост. Г.Ж. Мулек. М.: МФД, 2015. 624 с.

Шалимов С.В. Советско-французские научные связи в области биологии во второй половине 1960-х гг. // Социология науки и технологий. 2019. Т. 10. № 3. С. 44–55.

Шалимов С.В., Пьеррель Ж. Советско-французские научные связи в области биологии в 1970-е гг. // Институт истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова. Годичная научная конференция, 2020. М.: ИИЕТ РАН, 2020. С. 716–719.

Rey M.-P. La tentation du rapprochement: France et URSS à l'heure de la détente (1964–1974). Publications de la Sorbonne, 1991. 355 p.

Russian-French links in biology and medicine. St. Petersburg: Nestor-Historia, 2012. 204 p.

ключевые механизмы репарации ДНК у высших организмов, что позволило открыть новые белки, участвующие в этих процессах, и охарактеризовать их функции. Ею и её сотрудниками опубликовано совместно с французскими коллегами более 60 публикаций в области изучения ключевых механизмов биосинтеза белка и репарации ДНК. О.И. Лаврик в разные годы работала в качестве приглашённого профессора в Институте Жака Моно (Париж), в Университете Пьера и Марии Кюри (Париж), в Центре атомной энергии (Фонтене-о-Роз), в Институте Пастера (Париж) и в Университете Эври (Эври). О.И. Лаврик и руководимая ею лаборатория в течение ряда лет проводили совместные исследования с Университетом Страсбурга и с Институтом молекулярной и клеточной биологии (Страсбург). Эти работы были поддержаны программами научного сотрудничества Франции и России, такими как GDRI, программами Посольства Франции в РФ, стипендиями Министерства образования Франции, стипендиями Campus France, Европейскими грантами, а также в рамках Российско-французской ассоциированной лаборатории (LIA) Института химической биологии и фундаментальной медицины СО РАН и Института молекулярной и клеточной биологии (Страсбург). О.И. Лаврик являлась организатором российско-французских конференций по молекулярной и клеточной биологии, координатором программы сотрудничества Франции, России, Украины и Латвии «От молекулярных к клеточным механизмам в патологиях человека» (CDRI) и работ в области наук о жизни при организации Франко-Сибирского центра науки и образования. В настоящее время успешно развивается сотрудничество лаборатории О.И. Лаврик с лабораторией профессора Дэвида Пастре в Университете Эври, и данный проект поддержан грантом INSERM.

Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry: Interview with Academician Olga I. Lavrik

SERGEY V. SHALIMOV

S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences, St. Petersburg Branch, St. Petersburg, Russia; sshal85@mail.ru

The article is an interview with a prominent Russian biochemist, Academician Olga I. Lavrik, whose reminiscences are devoted to Soviet-French scientific links in the field of molecular biology and biochemistry. A Novosibirsk University graduate, O. Lavrik was a postgraduate student of Academician D.G. Knorre. She has made a very significant contribution to the Soviet-Russian-French cooperation. The hero of our interview visited France many times. She worked in leading French laboratories and universities and was personally acquainted with the outstanding French scientists. The interview describes the role of Soviet and French researchers in the development of cooperation in the field of molecular biology and biochemistry. In particular, O. Lavrik talks about her friendship with M. Grunberg-Manago and J.-P. Ebel. She also shares her impression of Soviet-French symposiums. At the same time, the interview touches upon the difficulties that hindered international contacts. For example, O. Lavrik, like many other Soviet scientists, was unable to travel abroad for many years. In the 1990s, however, Russian scientists faced new challenges and O. Lavrik shared her experience of overcoming these problems. The author has supplemented this interview with an introductory article and commented on the main points in the interview with the help of the literature, other sources and biographical notes.

Keywords: molecular biology, biochemistry, symposiums, cooperation in science and technology, France, M. Grunberg-Manago, international scientific links, social history of science, interview.

References

“Ot Atlantiki do Urala”: *Sovetsko-frantsuzskie otnosheniia. 1956–1973.* (2015). [From the Atlantics to the Urals: Soviet-French relationship. 1956–1973], Moscow: MFD. (in Russian).

Rey M.-P. (1991). *La tentation du rapprochement: France et URSS à l’heure de la détente (1964–1974)*, Paris: Publications de la Sorbonne. (in French).

Russian-French links in biology and medicine (2012). St. Petersburg: Nestor-Historia.

Shalimov S.V. (2019). *Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi vo vtoroi polovine 1960-kh gg.* [Soviet-French links in biology in the second half the 1960s], *Sotsiologiya nauki i tekhnologii* [Sociology of Science and Technology], 10 (3), 44–55. (in Russian).

Shalimov S.V., Pierrel J. (2020). *Sovetsko-frantsuzskie nauchnye svyazi v oblasti biologii v 1970-ye gg.* [Soviet-French links in biology in the 1970s]. In *Institut istorii estestvoznaniia i tekhniki im. S.I. Vavilova. Godichnaia konferentsiia* [The annual conference of The Institute for the History of Science and Technology named after S.I. Vavilov], (pp. 716–719), Moscow: S.I. Vavilov Institute for the History of Science and Technology of the Russian Academy of Sciences. (in Russian).